

УДК 168.522

В.Г. Ден¹

Н.А. Коноплева²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Формирование гастрономического культурного пространства Дальнего Востока корейскими переселенцами

Статья посвящена исследованию формирования гастрономического пространства в аспекте этнического взаимодействия корейских переселенцев и дальневосточных жителей. Установлено, что гастрономическое пространство Дальнего Востока сформировалось под влиянием ряда факторов: экономических, природно-климатических, социально-демографических и культурных. В работе использован исторический подход к исследованию культурного взаимопроникновения, который объясняется тем, что одновременно является результатом прошлого и важным фактором будущего инновационного развития территории.

Ключевые слова и словосочетания: культурная среда, гастрономическое пространство, культурное пространство, Дальний Восток России, культурное взаимодействие.

V.G. Den

N. A. Konopleva

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Formation of the gastronomic cultural space of the Far East by Korean immigrants

The article is devoted to the study of the formation of the gastronomic space in the aspect of ethnic interaction between Korean immigrants and far Eastern residents. It is established that the gastronomic space of the Far East was formed under the influence of a number of factors: economic, natural and climatic, socio-demographic and cultural. The paper uses a historical approach to the study of cultural interpenetration, which is explained by the fact that it is both the result of the past and an important factor in the future innovative development of the territory.

¹ Ден Валерия Гихоевна – магистрант 2 курса, кафедра туризма и экологии; e-mail: denlero4ka96@mail.ru

² Коноплева Нина Алексеевна – д-р культурологии, профессор; e-mail: nika.konopleva@gmail.com

Keywords: cultural environment, gastronomic space, cultural space, Russian far East, cultural interaction.

Сохранение этнических аспектов ежедневной деятельности человека и одновременное взаимопроникновение противоположных тенденций культуры различных народов формирует уникальное культурное пространство.

Пространство рассматривается как социокультурная сфера общества, которая включает в себя симбиоз культурных процессов и является основополагающим фактором человеческого бытия [1].

Термин «пространство» используется для описания «духовного мира человека, коммуникативных, социокультурных процессов в обществе, многообразия и взаимодействия различных культур» [2]. Симбиоз культур, входящих в пространство, состоит из самобытных проявлений народов и национальностей с сохранением уникальности их культурных обычаев и традиций и особой притягательной энергетики.

А.С. Бреславский обозначил культурное пространство как «систему устойчивых представлений, формирующихся в результате взаимодействия различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных психологических установок и картин мира» [3].

В свою очередь, А.С. Кармин определяет культурное пространство как «образованное множество феноменов культуры, переплетающихся и взаимодействующих между собой» [4]. Таким образом, культурное пространство вмещает в себя множество миров, входящих в соответствующую территорию, которые И.И. Свирида называет «культурными монадами» [5].

С этой точки зрения можно рассмотреть такое культурное пространство, как гастрономическое. Пища, как и любой другой феномен культуры, существует как средство ее выражения, обладает «силой как биологической необходимости, так и глубоко символического культурного артефакта, который соединяет нас друг с другом на нескольких уровнях» [6].

Гастрономическое пространство, взаимодействуя с географическим, политическим, этническим и лингвистическим, удовлетворяя биологические потребности, становится также инструментом формирования культурной идентичности проживающих на территории этносов и механизмом их социокультурного взаимодействия.

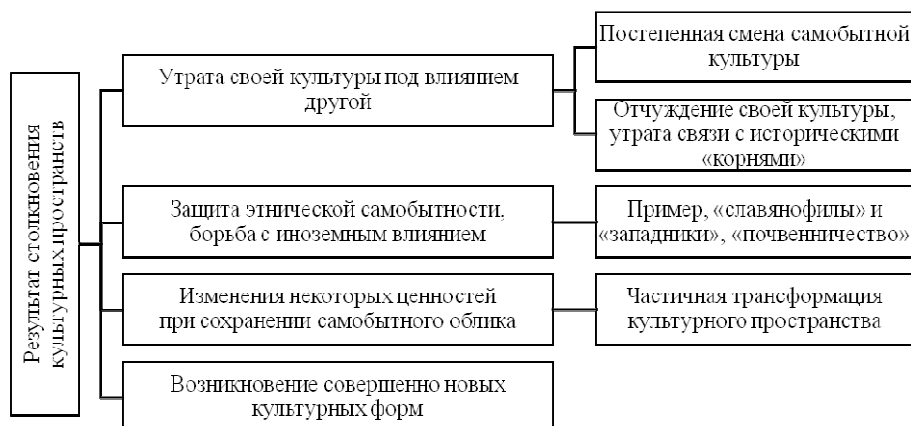
Особый исследовательский интерес, учитывая этническое разнообразие дальневосточных народов и привлекательность исследования специфики и проблем освоения дальневосточных территорий, представляет такой предмет научного исследования, как формирование регионального культурно-гастрономического пространства Дальнего Востока.

Уникальность геополитического положения Дальнего Востока как контактной зоны для межкультурного взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе является, по мнению В.С. Буриловой, ключевым структурообразующим фактором, определившим процесс заселения и развития территории [7].

Ввиду целостности культуры, влияния, взаимодействия и вторжения в привычные традиционные пространства могут приводить к существенным пере-

нам в культурной идентичности базового этноса и взаимодействующих с ним, к смене системы ценностей.

При контакте двух разнородных культурных пространств возможны несколько вариантов этнических трансформаций (рис. 1) [8].

Составлено автором по [8]

Рис. 1. Результат столкновения культурных пространств

Таким образом, можно выделить четыре варианта социокультурных перемен при столкновении культурных пространств:

- утрата народом своей культуры, что, на наш взгляд, можно сопоставить с процессами «ассимиляции»;
- борьба с иноземным влиянием;
- возникновение новых культурных ориентацией с сохранением общего самобытного облика культуры, что можно сравнить с процессами интеграции;
- возникновение новых культурных форм, которых не было ни в одной из взаимодействующих культур.

В отношениях между народами России и Кореи на российских дальневосточных территориях за короткое время уже имеют место революционные и эволюционные изменения во всех сферах жизни, в том числе в организации быта, приготовлении блюд, соблюдении кулинарных традиций приема и приготовления пищи, ритуалов и обычаев.

Причинами первых переселений корейцев на Дальний Восток России стали неурожай, сильное истощение корейских земель, голод, вызванный наводнением. Корейские эмигранты образовывали села, состоявшие из семей (например, село Тизинхе в долине реки Виноградная на территории Хасанского района) [9].

Основные виды деятельности корейских переселенцев представлены в табл. 1.

Виды деятельности корейских эмигрантов на Дальнем Востоке

Рейтинг (по популярности)	Вид деятельности		Описание
1	Сельское хозяйство	Двупольное хозяйство	Выращивание зерновых, злаковых и бобовых культур (ячмень, овес, бобы, чумиза (черный рис, головчатое просо), буда, кукуруза, соя, кунжут)
2	Овощеводство		Выращивание картофеля, китайской капусты, репы, тыквы, огурцов, белокочанной капусты, салата, красного перца, лука, чеснока и других овощей
3	Скотоводство		Разведение крупного рогатого скота в качестве тягловой силы (быки, коровы)
4	Рыболовство		Ловля рыбы и морских животных (особенно кеты, промысел трепанга, морской капусты и краба)

Примечание: составлено автором по [10–12].

Таким образом, основным занятием корейского народа на территориях Дальнего Востока стало сельское хозяйство и овощеводство, скотоводство и рыболовный промысел.

Главным направлением в развитии скотоводческих хозяйств корейцев Дальнего Востока является разведение крупного рогатого скота. Считалось грехом питаться продуктами, приготовленными из животных, работавших на человека (коровы и быки использовались как тягловая сила), поэтому употреблялось мясо свиней (специально выращенных для получения мяса, служивших главным продуктом питания животного происхождения), диких зверей (змей), домашних птиц (гусей, уток, кур) без использования сала животных [12].

Агроном Н.А. Крюков отмечал: «Корейцы не употребляют молока, поэтому им нет надобности содержать коров. В хозяйстве содержится главным образом рабочий скот и лошади, но те и другие в крайне ограниченном количестве. Для пахоты употребляются быки (иногда коровы), запряженные по одному и реже парами. Хозяйство основано, главным образом, на ручном труде. Возделываются следующие растения: буда (мелкое просо), кукуруза, зуза (масленичное растение), бобы (soя), пшеница, гаолян, табак, овес (для сбыта русским) и всевозможные овощи. Посев всех растений рядовой и грядовой; в течение всего сезона за посевами тщательно ухаживают: смотря по надобности, их полют, прореживают и окучивают. Скота вообще содержится очень мало, поэтому в выгонах и сенокосах корейцы не ощущают особой нужды; из животных всюду имеются только свиньи, тогда как овцы совершенно отсутствуют» [10, с. 143].

Сходство физико-географических условий пространств исходного и нового позволило корейцам вести привычный образ жизни на российской земле. Необходимо отметить, что некоторые культуры корейцы начали возделывать только

на новом месте проживания – российском Дальнем Востоке. Наиболее распространенными зерновыми культурами были чумиза, кукуруза, овес и рис: «...из русских хлебов очень мало гречихи, но много овса, главным же образом и больше всего засеивают чумидзу, кукурузу и буду нескольких сортов яръ-буду, моги-цой мельче нашего проса, желтую; бълую буду-цой; красную цхари и черную, наше просо...» [12, с. 9].

Чумиза – древняя земледельческая культура, занимавшая самый большой объем по производству. Изначально появившись в Корее и Китае, к середине XX века она распространилась и в Европейской России.

В корейских хозяйствах над механическим преобладал ручной труд. Основными орудиями оставались серпы, мотыги, кирки. Только у 26,1% семей (из 3979), занимавшихся сельским хозяйством, имелись механические пахотные орудия [13, с. 171].

Кроме зернового хозяйства, корейские крестьяне занимались овощеводством, которое в основном носило характер приусадебного огородничества. При этом в окрестностях больших городов – Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Никольск-Уссурийского – создавались специализированные китайские и корейские овощеводческие хозяйства [11].

Немаловажным занятием корейских переселенцев были добыча рыбы и морских животных, доставка их в другие города России, а также Китай и Японию. Например, жители села Краббе, расположенного на берегу одноименного полуострова, имея лодки и сопутствующее оборудование, занимались промыслом рыбы и перевозкой различных грузов водными путями. Наиболее высокие показатели по количеству добываемой морской продукции и количеству задействованных в этой сфере жителей приходятся на конец XIX – начало XX века. В этот же период в заливах Петра Великого и Посыетском активно велась добыча трепангов, крабов и морской капусты (в 1910 году количество рыболовов начало сокращаться после введения запрета на вылов иностранцами) [10].

Жизненный уклад корейских семей значительно отличался от уклада восточнославянских жителей. Поло-ролевое поведение членов семьи характеризуется как традиционное и патриархальное, где муж – хозяин, собственник имущества, женщина – хранительница очага. По мере принятия корейцами православной веры и рождения нового поколения корейцев на российской земле соблюдение семейных традиций предков стало менее строгим, а у женщин появилось больше свободы и прав.

Исследователь А.В. Кирилов отмечал, что «метисации, которая могла бы привести к видоизменению характерных признаков, корейцы боятся как огня и избегают» [14, с. 4]. Несмотря на это, ввиду отсутствия замкнутых поселенческих образований, азиатские иммигранты все же теряли свою обособленность и начинали селиться вперемежку с восточнославянским населением, что привело к аккультурации и взаимному проникновению культур взаимодействующих этносов [14].

По словам В.К. Арсеньева, «метисация – явление вполне естественное, потому что нельзя какую-нибудь народность держать изолированной. В будущем все население Дальнего Востока будет метисообразно. Приток китайской, корейской и туземной крови неизбежен» [15].

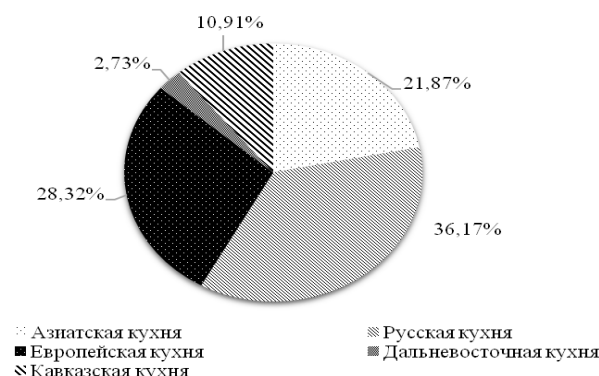
Можно заключить, что корейская семья сохраняла свою патриархальность особенно в первые годы переселения, однако единое хозяйственное пространство и совместное проживание с другими народами создавали условия для постепенного разрушения этнической замкнутости корейской иммигрантской семьи.

Исследование информационных источников показало, что основу питания корейской семьи составляли продукты сельскохозяйственной деятельности, рыболовства и охоты – экологически чистые, «дикие» продукты, приготовленные в традициях азиатской кухни.

Уникальная экосистема Дальнего Востока России и исторические предпосылки освоения даров природы монахами горных монастырей, которым еще в VII веке не позволялось питаться мясом животных и морских обитателей, сформировали особые гастрономические изыски. Опыт корейских монахов, возмещающих нехватку полезных веществ блюдами из растений, позволил корейцам употреблять в пищу различные дальневосточные дикорастущие растения, хорошо сбалансированные по набору полезных веществ и оказывающие благоприятный эффект на человеческий организм (например, женьшень, папоротник, лопух, кишмиш, лимонник).

Исторический анализ хозяйственной деятельности корейской семьи и особенностей употребления различного рода пищи позволяет рассмотреть степень влияния корейских переселенцев на гастрономическое пространство дальневосточных территорий.

На сегодняшний день азиатская кухня, в том числе корейская, одна из самых популярных среди жителей Дальнего Востока и занимает третье место в рейтинге предпочитаемых кухонь (рис. 2) [16].

Составлено автором

Рис. 2. Рейтинг кухонь среди жителей Дальнего Востока

Наибольший спрос имеет русская кухня – 36,17%, затем европейская (28,32%) и азиатская (21,87%).

Следует оговориться, что, несмотря на результаты опроса, азиатская кухня имеет большое влияние на питание дальневосточников, некоторые употребляемые в повседневной жизни продукты жители не относят к традиционной азиат-

ской, а выделяют в отдельную, хотя и не в полной мере сформировавшуюся в сознании, – дальневосточную.

Таким образом, уникальное гастрономическое пространство Дальнего Востока, безусловно, является результатом культурного и этнического взаимодействия славянского и азиатского народов.

1. Культурология: учебное пособие для вузов / Н. Шельнова, Мирошникова, Н. Коршевер, В. Вечканов. – Москва: Научная книга, 2009. – 384 с.
2. Сараф, М. Я. Культурное пространство как предмет исследования / М. Я. Сараф // Пространство и время. – 2011. – №4. – С. 15–19.
3. Бреславский, А. С. Культурное пространство постсоветского Улан-Удэ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. / А. С. Бреславский. – Улан-Удэ, 2011.
4. Орлова Е. В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологи. – 2010. – №18. – С. 42–53.
5. Свирида, И. И. Культура и пространство: аспекты изучения / И. И. Свирида // Культура и пространство. Славянский мир. – Москва: Логос, 2004. – С. 7–12.
6. Каган, М. С. Философия культуры: учебное пособие для академического бакалавриата / М. С. Каган. – Москва: Юрайт, 2019. – 353 с.
7. Бурилова, В. С. История формирования территориально-промышленных структур Приморского края в середине XIX – начале XX века / В. С. Бурилова. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 128 с.
8. Иконникова, С. Н. История культурологии: учебник / С. Н. Иконникова. – Москва: Юрайт, 2018. – 416 с.
9. Первые корейские деревни в Приморском крае. Тизинхе. – Текст: электронный // Национально-культурная автономия корейцев г. Уссурийска и Приморского края: [сайт]. – URL: <http://primorkkc.ru/vse-materialy/istorija-rossijskih-korejcev/pervye-korejskie-derevni-v-primorskom> (дата обращения: 17.09.2020).
10. Петров, А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века / А. И. Петров. – Владивосток: ДВО РАН, 2000. – 304 с.
11. Сведения о Сибири. – Текст: электронный // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина: [сайт]. – URL: <https://www.prlib.ru/section/1157256> (дата обращения: 10.10.2020).
12. Насекин, Н. А. Корейцы Приамурского края / Н. А. Насекин // Журнал Министерства народного просвещения. – Москва, 2013. – С. 8-16.
13. Пржевальский, Н. М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. / Н. М. Пржевальский. – Владивосток: Примиздат, 1949. – 331 с.
14. Кириллов, А. В. Корейцы села Благовословенного // Труды Приамурского отдела ИРГО. – Хабаровск, 1895. – Вып. I. – С. 1–13.
15. О водворении на Китайской границе новых казачьих поселений // ПСЗ. 1. Т. XXXXIX. 1874. Ст. 53418. С. 675.
16. Ден, В. Г. Исследование повседневной культуры питания жителей дальневосточного региона в аспекте развития гастрономического бренда «Дальневосточная кухня» / В. Г. Ден, Н. А. Коноплева // Культурное пространство России и Монголии: опыт и перспективы сотрудничества в трансграничных регионах. – Улан-Удэ: ВСГИК, 2019. – С. 10–17.

Транслитерация

1. Kul'turologiya: uchebnoe posobie dlya vuzov / N. Shel'nova, Miroshnikova, N. Korshever, V. Vechkanov. – Moskva: Nauchnaya kniga, 2009. – 384 s.

2. Saraf, M. Ya. Kul'turnoe prostranstvo kak predmet issledovaniya / M. Ya. Saraf // Prostranstvo i vremya. – 2011. – №4. – S. 15–19.
3. Breslavskij, A. S. Kul'turnoe prostranstvo postsovetского Ulan-Ude: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. / A.S. Breslavskij. – Ulan-Ude, 2011.
4. Orlova E. V. Kul'turnoe prostranstvo: opredelenie, specifika, struktura // Analitika kul'turologii. – 2010. – №18. – S. 42–53.
5. Svirida, I. I. Kul'tura i prostranstvo: aspekty izucheniya / I. I. Svirida // Kul'tura i prostranstvo. Slavyanskij mir. – Moskva: Logos, 2004. – S. 7–12.
6. Kagan, M. S. Filosofiya kul'tury: uchebnoe posobie dlya akademicheskogo bakalavriata / M.S. Kagan. – Moskva: YUrajt, 2019. – 353 s.
7. Buriilova, V. S. Istoriya formirovaniya territorial'no-promyshlennyh struktur Primorskogo kraja v seredine XIX – nachale XX veka / V.S. Buriilova. – Vladivostok: Dal'nauka, 2003. – 128 s.
8. Ikonnikova, S. N. Istoriya kul'turologii: uchebnik / S. N. Ikonnikova. – Moskva: Yurajt, 2018. – 416 s.
9. Pervye korejskie derevni v Primorskom krae. Tizinhe. – Tekst: elektronnyj // Na-cional'no-kul'turnaya avtonomiya korejcev g. Ussurijska i Primorskogo kraja: [sajt]. – URL: <http://primorkkc.ru/vse-materialy/istorija-rossijskih-korejcev/pervye-korejskie-derevni-v-primorskom> (data obrashcheniya: 17.09.2020).
10. Petrov, A. I. Korejskaya diaspora na Dal'nem Vostoke Rossii. 60–90-e gody XIX veka / A.I. Petrov. – Vladivostok: DVO RAN, 2000. – 304 s.
11. Svedeniya o Sibiri. – Tekst: elektronnyj // Prezidentskaya biblioteka imeni B. N. El'cina: [sajt]. – URL: <https://www.prlib.ru/section/1157256> (data obrashcheniya: 10.10.2020).
12. Nasekin, N. A. Korejcy Priamurskogo kraja / N.A. Nasekin // ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – Moskva, 2013. – S. 8–16.
13. Przheval'skij, N. M. Puteshestvie v Ussurijskom krae 1867–1869 gg. / N.M. Przheval'skij. – Vladivostok: Primizdat, 1949. – 331 s.
14. Kirillov, A. V. Korejcy sela Blagoslovennogo // Trudy Priamurskogo otdela IRGO. – Harbarovsk, 1895. – Vyp. I. – S. 1–13.
15. O vodvorenii na Kitajskoj granice novyh kazach'ih poselenij // PSZ. 1. T. XXXXIX. 1874. St. 53418. S. 675.
16. Den, V. G. Issledovanie povsednevnoj kul'tury pitaniya zhitelej dal'nevostochnogo regiona v aspekte razvitiya gastronomicheskogo brenda «Dal'nevostochnaya kuhnya» / V. G. Den, N.A. Konopleva // Kul'turnoe prostranstvo Rossii i Mongolii: opyt i perspektivy sotrudnichestva v transgranichnyh regionah. – Ulan-Ude: VSGIK, 2019. – S. 10–17.

© В.Г. Ден, 2020

© Н.А. Коноплева, 2020

Для цитирования: Ден В. Г., Коноплева Н.А. Формирование гастрономического культурного пространства Дальнего Востока корейскими переселенцами // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 191–198.

For citation: Den V.G., Konopleva N.A. Formation of the gastronomic cultural space of the Far East by Korean immigrants, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 191–198.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/191-198

Дата поступления: 25.11.2020.